From Narratives to Monuments: Symbolic Transformation of the Cultural Landscape of the Kaliningrad Region

Olga Vendina[1] & Anton Gritsenko[2]

Institute of Geography, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

Received: 22 January 2024 | Revised: 10 May 2024 | Accepted: 19 May 2024

Abstract

The article is based on the materials of field research conducted in the Kaliningrad region in 2022-2023. The authors proceed from the idea of this region as a frontier emerged due to redefinition of jurisdiction of the territories of East Prussia after World War II and geopolitical transformations after 1991. Currently, the region is surrounded by EU countries, and this predetermines its perception as a civilizational frontier – a space of comparison between Russian and European ways of life, and intensified the politicization of local historical memory. The aim of the article is to examine the narratives underlying visual transformation of the cultural landscape of the Kaliningrad region since 1945, their relation to the tasks of de-actualization of the region's past, appropriation of German heritage and its integration into the Russian cultural space. Cultural landscape is defined both as a product and environment of human activity saturated with a variety of artifacts, and as a sign system that forms, preserves, and controls a certain vision of the world. The use of the semiotic paradigm allowed us to consider monuments as its long-term semantic accents. We also took into account the multiplicity of actors influencing the organization and reorganization of the cultural landscape, the variability of the correlation of political forces and opportunities, and the participation in the transformation processes of both power institutions that limit the possibility of alternative perception of reality, and society that resists ideological programming. The evolution of semantic dominants of the cultural landscape we analyzed in the context of shifts in the ideology and attitudes of regional society. We conclude that the compromise tactics of appropriation of the region's past, developed over time, are based on countering the challenges of the time and solving practical problems, rather than on political attitudes.

Keywords

Cultural Landscape; Monuments; Symbolic Politics; Historical Memory; Narratives; Semiotics of Space; Frontier; East Prussia; Russia; Kaliningrad Region

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

1 Email: vendina[at]igras.ru ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3650-1299
2 Email: antgritsenko[at]igras.ru ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9335-4761

Journal of Frontier Studies. 2024. No 2 | ISSN: 2500-0225
Intercultural Communication on the Frontier | https://doi.org/10.46539/jfs.v9i2.571

От нарративов к монументам: символическая трансформация культурного ландшафта Калининградской области

Вендина Ольга Ивановна[1], Гриценко Антон Алексеевич[2]

Институт географии РАН. Москва, Россия

Рукопись получена: 22 января 2024 | Пересмотрена: 10 мая 2024 | Принята: 19 мая 2024

Аннотация

Статья основана на материалах полевых исследований, проведенных в Калининградской области в 2022–2023 гг. Авторы исходят из представления о Калининградской области как фронтире, возникшем в результате переопределения юрисдикции территорий Восточной Пруссии после Второй мировой войны и геополитических трансформаций постсоветского времени. Современное эксклавное положение региона в окружении стран ЕС предопределило его восприятие как цивилизационного рубежа – пространства сопоставления российского и европейского способов жизни, усилило политизацию вопросов локальной исторической памяти. Цель статьи – выявить и проанализировать нарративы, лежащие в основе визуальной трансформации культурного ландшафта Калининградской области, начиная с 1945 г., их связь с задачами де-актуализации прошлого региона, апроприации его немецкого наследия и интеграции в российское культурное пространство. Культурный ландшафт в статье понимается как продукт и среда человеческой деятельности, насыщенная разнообразными артефактами, и одновременно знаковая система, формирующая, сохраняющая и контролирующая определенное видение мира. Использование семиотической парадигмы изучения пространства позволило рассматривать памятники и монументы в качестве его долговременных смысловых акцентов. Авторы принимали во внимание множественность акторов, влияющих на характер организации и реорганизации культурного ландшафта, изменчивость соотношения политических сил и возможностей, участие в трансформационных процессах как институтов власти, ограничивающих возможность альтернативного восприятия действительности, так и социума, сопротивляющегося идеологическому программированию. Эволюция смысловых доминант культурного ландшафта Калининградской области анализировалась в контексте сдвигов в идеологии и настроениях общества. Проведенное исследование подвело авторов к выводу о выработанной с течением времени компромиссной тактике апроприации прошлого региона, основанной не на политических установках, а на противодействии вызовам времени и решении практических задач.

Ключевые слова

культурный ландшафт; памятники; символическая политика; историческая память; нарративы; семиотика пространства; фронтир; Восточная Пруссия; Россия; Калининградская область

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

1 Email: vendina[at]igras.ru ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3650-1299
2 Email: antgritsenko[at]igras.ru ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9335-4761

Введение

Культурный ландшафт как пространство повседневной жизни и одновременно запечатленная история имеет огромное значение для осмысления индивидом самого себя и своей принадлежности к конкретной общности с ее прошлым, настоящим и будущим. Нарушение этой связи способно породить ощущение потерянности и одиночества. Пример Калининградской области хорошо иллюстрирует этот тезис: значительная часть послевоенных переселенцев в бывшую Восточную Пруссию так и не смогли прижиться на новом месте: с 1946 по 1958 год возвратные миграции составили 64% от прибывших (Костяшов, 2005, с. 213). Среди причин были не только экономические трудности, но и неуверенность в собственном будущем на земле, где каждый камень свидетельствовал, что она чужая. Непривычность окружающей обстановки воспринималась как враждебность. Эта проблема вполне осознавалась советским правительством. Организуя переселенческое движение, оно преследовало не только прагматичные цели заселения и хозяйственной интеграции региона, но и его культурной национализации. В роли культуртрегеров должны были выступать сами переселенцы и местные руководители. На глав военных и гражданских администраций возлагалась миссия превращения бывшего «логова прусского милитаризма» в символ торжества советского образа жизни. Задачу облегчала искренняя вера людей в то, что «*эту землю надо сделать русской*» (Костяшов, 2018, с. 70). Урбанизированные и экономически развитые территории Восточной Пруссии представали чуть ли не символической пустыней, своего рода целиной и пространством нового освоения. Однако процесс заполнения возникшего вакуума новыми смыслами едва ли можно было назвать обрусением, хотя подавляющее большинство переселенцев в образованную Калининградскую область и были выходцами из Центральной России и Белоруссии, носителями русского языка, привычек, верований и традиций. Речь шла о советизации, связывающей формирование устойчивого социума с привнесением советских названий, монументов, стандартов жизни и мировоззрения. Во многом эта цель была достигнута. Как пишут Р. А. Григорьева и М. Ю. Мартынова, именно на калининградской земле «*новая историческая общность, которую в недалеком прошлом называли советским народом, приобрела наиболее завершенный облик*» (Григорьева & Мартынова, 2017, с. 11). Все изменилось в постсоветские годы под воздействием, с одной стороны, краха советской политической системы, а с другой – межпоколенческих сдвигов в образе жизни и представлениях людей. Германия из проклинаемой страны превратилась в образец процветающего и справедливо устроенного общества; руины замков, соборов и крепостных сооружений стали рассматриваться как культурные ценности, а все созданное в послевоенные годы как продукт антигуманной советской политики. В неформальный повседневный обиход вернулись немецкие названия улиц и насе-

ленных пунктов, дублирующие советскую топонимию, а в политический дискурс вошло понятие «ползучей германизации». Возник запрос на укрепление российской идентичности через подавление угрожающих ей стихийных изменений. Повышенное внимание стало уделяться символической политике в диапазоне от монументальной пропаганды до патриотического воспитания, начался поиск аргументов, позволяющих обуздать вышедшую из-под контроля «память» региона и включить ее в российский исторический нарратив. Население также не осталось в стороне от этой деятельности, защищая культурное наследие Восточной Пруссии и настаивая на признании иных ценностей как таковых, а не как «немецких» или «западных».

В предлагаемой статье предпринята попытка показать сложный характер происходящих процессов, ее цель – выявить и проанализировать нарративы, лежащие в основе визуальной трансформации культурного ландшафта Калининградской области, их связь с задачами де-актуализации ее прошлого, апроприации (трактовки и использования) немецкого наследия и интеграции в российское культурное пространство. Актуальность такой постановки вопроса определяется исчерпанностью интеграционного потенциала антифашистского нарратива, тотальной девальвацией советской идеологии, ее замещением де-идеологизированной моралью общества потребления и муссированием темы геополитического будущего региона[1].

Концепция исследования

Использование прошлого в качестве ресурса национальной консолидации широко практикуется всеми государствами. Однако в случае Калининградской области обращение к этому испытанному средству затруднено. История региона, принадлежащая памяти ее нынешних жителей, коротка, а «длинная тень прошлого», если использовать метафору А. Ассман (2014), указывает на Восточную Пруссию и продуцирует скорее раскол, нежели интеграцию общества. Одна часть калининградцев активно ратует за защиту и восстановление немецкого культурного наследия, другая видит в этой деятельности угрозу региональной стабильности, российской идентичности и целостности страны[2]. Хотя данная оппозиция возникла еще в 1960-х гг., она не утратила своей актуальности до сегодняшнего дня (Костяшов, 2016; Дементьев, 2023). Причины такого постоянства кроются не только в специфике региональной истории, но и в различиях механизмов функционирования

1 См., напр.: «Русский Калининград – пожили, и хватит, отдавайте Европе. Провокация в сердце эксклава» / А. Сахаров. ИА Царьград. https://tsargrad.tv/special_projects/russkij-kaliningrad-pozhili-i-hvatit-otdavajte-evrope-provokacija-v-serdce-anklava_333523; «Коридор противоречий: почему Россия и ЕС вновь спорят из-за Калининграда» / А. Макаркин. ИА Forbes. https://www.forbes.ru/mneniya/469867-koridor-protivorecij-pocemu-rossia-i-es-vnov-sporat-iz-za-kaliningrada; «Польша решила надавить на Калининград». Деловая газета «Взгляд». https://vz.ru/politics/2022/3/26/1150580.html

2 См., напр.: «От исканий Канта в обкоме до Немецкой республики: истоки кенигсберизации. ИА REGNUM. https://regnum.ru/news/polit/2212888.html

социальной и культурной памяти. Если социальная память формируется в процессе непосредственных коммуникаций и обогащения личного опыта опытом других, то расширение горизонта культурной памяти происходит за счет безмолвных медиаторов – символически нагруженных материальных артефактов (Ассман, 2014, 2017). Репрезентируя опыт, не охватываемый памятью живущих поколений, они способствуют узнаванию иных образов и смыслов. По мере их апроприации человек не только обретает знания о прошлом своей земли, а в случае Калининградской области подавляющее большинство населения считают регион «своей землей»[1], но и осуществляет культурную самоидентификацию. Исторические реминисценции и рефлексия по поводу самого себя пересекаются. Рост числа людей, испытывающих эмоциональную связь не просто с конкретным местом (домашним адресом), но и с *genius loci*, постепенно приводит к возникновению сообществ, проявляющих заботу о сохранении следов прошлого. Требования защиты культурного наследия выходят в публичное пространство и становятся требованиями охраны коллективной идентичности. Описанный механизм хорошо объясняет, почему дети и внуки тех, кто мечтал сделать земли Восточной Пруссии истинно русскими, борются сегодня за сохранение немецкого наследия как за часть представлений о себе. Поэтому, обращаясь к анализу символической трансформации культурного ландшафта Калининградской области, мы неизбежно должны прибегнуть к рассмотрению аргументов, обосновывающих происходящие изменения, выявлению тех элементов окружающей среды (унаследованных и вновь создаваемых), которые выполняют или способны выполнять функции символических медиаторов.

Эти идеи были положены в основание исследования. Нас интересовали не столько историко-архивные и структурные аспекты изучения культурного ландшафта региона, которые детально освещены в публикациях других авторов (см., напр.: Пахалюк, 2011; Маслов, 2014; Костяшов, 2016, 2017, 2020; Манкевич & Мегем, 2023; Дементьев, 2014, 2020, 2023), сколько эволюция алгоритмов репрезентации фактов и событий, находящая воплощение в деталях мемориальных и символических объектов.

Выбранный аспект изучения культурного ландшафта соответствует дискурсивной парадигме объяснения реальности (Foucault, 1972; Laclau & Mouffe, 1985; Laclau, 2014; Torfing, 2005; Angermuller, 2015) и отвечает семиотическому подходу в теории коммуникаций (Барт, 1975, 2001; Barthes, 1970, 2007; Степанов, 2001; Zenkine, 2020). Мы исходили из представления о материальной среде жизни человека как сложно устроенной знаковой системе – семиосфере (Топоров, 1983; Лотман, 1984, 1992, 2000; Эко, 2006)[2] и рассматривали окружа-

1 «Дрейф общественного мнения или калининградцы 16 лет спустя». Опрос жителей Калининградской области. «КМГ». http://kmgroup.ru/2019/09/24/drejf-obshhestvennogo-mneniya-ili-kaliningradcy-16-let-spustya/

2 Школа исследований семиотики пространства сформировалась в 1960-х гг., прежде всего, в работах Р. Барта и У. Эко в его курсе визуальной семиологии, и вызвала огромный отклик в мировом научном сооб-

ющее пространство как многослойный и гетерогенный «текст», принадлежащий разным языкам и эпохам. Ключом к распознаванию этого «текста» являются памятники – материальные референты господствующих представлений, а к пониманию – нарративы, связующие в единое повествование разрозненные факты и события (Рикер, 1998; Данто, 2002; Шмид, 2003; Зенкин, 2003; Тюпа, 2011; Tjupa, 2014). В понятие «памятник» мы включали не только собственно памятники – скульптуры, монументы, мемориалы, мемориальные доски, памятные символы и знаки, – но и объекты, наделяемые статусом «памятника»: природные, исторические и архитектурные достопримечательности, сакральные места и сооружения. Выполняя одновременно функции канала социальных коммуникаций, маркера места и «якоря» локальной идентичности, памятники обеспечивают широкую и непрерывную трансляцию конкретных смыслов (Малинова & Миллер, 2021; Архипова & Кирзюк, 2020). Образы и ассоциации, продуцируемые памятниками, нередко оказываются долговечнее разрушающихся физических объектов, продолжая влиять на социальное воображение и после исчезновения материальных носителей. Наглядной иллюстрацией этого тезиса являются примеры сноса руин Королевского замка в Калининграде и практики тотальных переименований, к которой прибегли в регионе в послевоенные годы (Маслов, 2014). Время показало, что даже столь радикальные действия не смогли аннулировать «память» места как важного ассоциативного элемента коллективных представлений.

Другой концептуальной опорой исследования было положение о множественности субъектов, участвующих в конструировании и продвижении определенного видения социальной реальности – от формальных институтов государства с его целеполаганием, экспертами, финансами, административными возможностями и законодательством до неформальных – социума с его спонтанной самоорганизацией, сетевыми медиа, многообразием мнений и мотивов поведения. В то время как государство, придавая нужным трактовкам и символам значение идейных детерминант, озабочено индоктринацией общества и принуждением его к единомыслию, социум сопротивляется культурно-символическому программированию, вырабатывая свои правила и способы встраивания прошлого в актуальный социально-политический контекст. Острота дискурсивного соперничества зависит, если воспользоваться терминологией М. Бернхарда и Я. Кубика (Bernhard & Kubik, 2014), от степени мобилизации «мнемонических борцов», находящихся по разные стороны баррикад[1]. Несмотря на неравенство ресурсов формальных и неформальных агентов символической политики, центр тяжести при выра-

ществе. Значимый вклад в ее развитие внесли труды московско-тартуской школы семиотики и предложенная Ю. Лотманом концепция семиосферы как знаковой системы культуры. Ставшая хрестоматийной статья В. Н. Топорова «Петербург и петербургский текст русской литературы» (1984) вдохновила многих авторов посвятить исследования «своим» городам. Калининград также не был обойден вниманием, см. напр.: (Гаврилина, 2011, 2013; Bellentani, 2021).

ботке авторитетного взгляда на факты прошлого, людей и события периодически смещается то в одну, то в другую сторону. В ситуации неопределенности будущего и смысловой исчерпанности государственной идеологии политическое давление государства слабеет, гражданские активисты обретают больший простор для публичного продвижения своих идей и мобилизации сторонников, в том числе и из среды представителей власти (Малинова, 2018; Миллер, 2020; Летняков, 2022; Саенко, 2024). В результате сдвиги в сфере воображаемого закрепляются в физическом пространстве. Поэтому, вырабатывая подход к изучению трансформации культурного ландшафта Калининградской области, мы, с одной стороны, сконцентрировались на реконструкции нарративных стратегий государства, определяющих монументальную политику в регионе, а с другой – на выявлении нарративных схем интерпретации действительности, черпающих свою объяснительную силу в представлениях людей. В первом случае основное внимание было уделено знаковым артефактам, возникшим в послевоенные годы, анализу деталей, несущих смысловую нагрузку; во втором – беседам с представителями разных социальных слоев и поколений жителей Калининградской области, их объяснениям связи между прошлым, настоящим и будущим региона.

Методы

Статья основана на материалах полевых исследований, проведенных в 2022–2023 гг.: нам удалось объехать практически все города и районы Калининградской области, посетить многочисленные музеи, побеседовать с представителями местных социумов – от рядовых граждан до руководителей администраций и активистов. Собранная информация была дополнена реестром культурно-исторических объектов области, включая монументы, мемориалы, памятники архитектуры, музеи, заповедники и пр., с датами их открытия и/или реновации (N=1162). Фактически была проведена инвентаризация наиболее значимых артефактов, составляющих опору идентичности жителей региона, и создана база данных для дальнейшего анализа семантики регионального пространства.

Для выявления особенностей трансформации культурного ландшафта использовались визуальные методы социокультурной географии; с их помощью решались три задачи: а) документирование – фиксация мест и объектов, их состояния и деталей; б) смысловое декодирование продуцируемых образов; и в) критический анализ возникающих пространственных «текстов». Для обобщения и группировки нарративных схем трактовки событий прошлого, объясняющих выбор героев и сюжетов, воплощенных в памятниках, мы прибегли к теории литературных жанров. Несмотря

1 М. Бернхард и Я. Кубик выделяют четыре типа мнемонических акторов: воины (mnemonic warriors), плюралисты (mnemonic pluralists), уклонисты (mnemonic abnegators) и прогрессисты (mnemonic prospectives). Складывающееся между ними отношения определяют режим политики памяти.

на условность жанровой категоризации литературных произведений и тем более условность соотнесения литературных жанров с сюжетной основой памятников, этот методический прием позволил обозначить смысловое русло проводимой политики, говорить о памятниках как целостных актах коммуникации и культурном ландшафте как пространстве одновременного существования и пересечения разных нарративов. Хотя жанровые дефиниции использовались нами метафорически, критерии отнесения некоторой совокупности памятников к определенному жанру были вполне конкретными, включая выбранные сюжеты и темы коммеморации, характер героев – личностей и символических фигур, особенности композиции и эмоциональную тональность, способы установления контакта со зрителем – адресатом послания, а также принципы наделения объектов природного и культурного наследия статусом «памятника».

Визуальные наблюдения, проводившиеся в Калининградской области, сопровождались интервью и беседами. Для отбора информантов использовалась целенаправленная выборка: предпочтение было отдано представителям социальных групп, которые непосредственно соприкасались с вопросами наследия. Первую группу составили руководители и специалисты региональных и муниципальных администраций, ответственные за реализацию политических установок и выработку локальных программ действий. Мы также беседовали с архитекторами, начальниками отделов, отвечающими за экономику, молодежную и культурную политику, музейную работу, охрану памятников и туризм. Блок «административных» интервью (N=21) дополнялся материалами публикаций в местных СМИ, где приводились высказывания должностных лиц по поводу памятных дат, открытия монументов или конфликтных ситуаций.

Вторую группу информантов составляли сотрудники музеев, отвечающие за концептуальную составляющую экспозиций (N=17). Помимо государственных и муниципальных краеведческих и историко-культурных музеев, расположенных во всех локальных центрах области, в список вошли народные и частные музеи, такие как Виштынецкий эколого-исторический музей, Мамоновский музей Восточно-Прусского кирпича, музей-квартира AltesHaus, музей Калининграда советского периода «Дом китобоя», музей русских суеверий на Куршской косе, а также мемориальные музеи К. Донелайтиса, Л. Коринта и Г. Брахерта.

Третью категорию составили журналисты наиболее читаемых региональных и муниципальных медиа (N=12), и последнюю – гражданские активисты и волонтеры (N=7). Всего было проведено 57 интервью, все они были транскрибированы и подвергнуты контент-анализу. В ходе работы мы также широко пользовались возможностью частных бесед со своими коллегами (географами и историками) и их знакомыми, водителями такси во время поездок между удаленными пунктами назначения, с обслуживающим персо-

налом гостиниц и местными жителями, с которыми удавалось разговориться. Результаты бесед фиксировались по «свежим следам», непосредственно после их завершения. При обработке всего текстового массива данных основное внимание уделялось выявлению общих схем осмысления действительности и их связи с задачами апроприации прошлого региона.

Культурный ландшафт как «жесткий диск» памяти

Простое фиксирование дат создания мемориальных комплексов, установки памятников, строительства и реставрации культовых сооружений показывает, что число символически значимых объектов, появившихся в Калининградской области после 1945 г., значительно превышает число сохранившихся с довоенных времен, включая руины кирх и замков (рис. 1). Это говорит о том значении, которое все послевоенные годы придавалось усилиям по формированию и закреплению образа области как советского/российского региона. Если вспомнить, что в советское время Калининградская область была практически закрыта для посещения иностранцами, а гражданам страны необходимо было получать справки-разрешения на въезд, то невольно напрашивается вывод об адресной направленности этой деятельности местным жителям. Именно их нужно было убеждать в российскости региона, и чем дальше отодвигалась дата окончания войны, тем острее вставала эта проблема.

Из данных также следует, что послевоенная деятельность в этой сфере характеризовалась неоднородной динамикой, периодами затухания и подъема. Первое послевоенное десятилетие было весьма активным; устанавливая точку отсчета нового времени, оно радикально отсекало прошлое и переопределяло будущее региона. Все, что было «до», попадало в категорию «чужого» и «чуждого». Это касалось не только политики тотальных переименований и забвения немецких страниц истории Восточной Пруссии, но и эпизодов, тесно связанных с Российской империей, прежде всего с войнами – Семилетней (1754–1763), наполеоновскими (1805–1814) и Первой мировой. «Царизм» и «прусский милитаризм» не подлежали коммеморации. Обнуление истории заметно отличало политику, проводимую в Калининградской области, от политики Польши и даже соседней Литовской ССР, также наследниц Восточной Пруссии. Там сохранялась относительная историческая преемственность, говорилось о восстановлении справедливости и возвращении «своих» некогда онемеченных исконных земель (Сафроновас, 2014; Костяшов & Сергеев, 2018). В Калининградской области аргумент «исконных земель» также звучал, но лишь в качестве дополнения к антифашистской риторике и с поправкой на «исконно славянские земли», что отсылало к племенному прошлому региона, делало 700-летнюю историю Восточной Пруссии как бы незаконной, а возвращение к первоистокам – естественным и логичным.

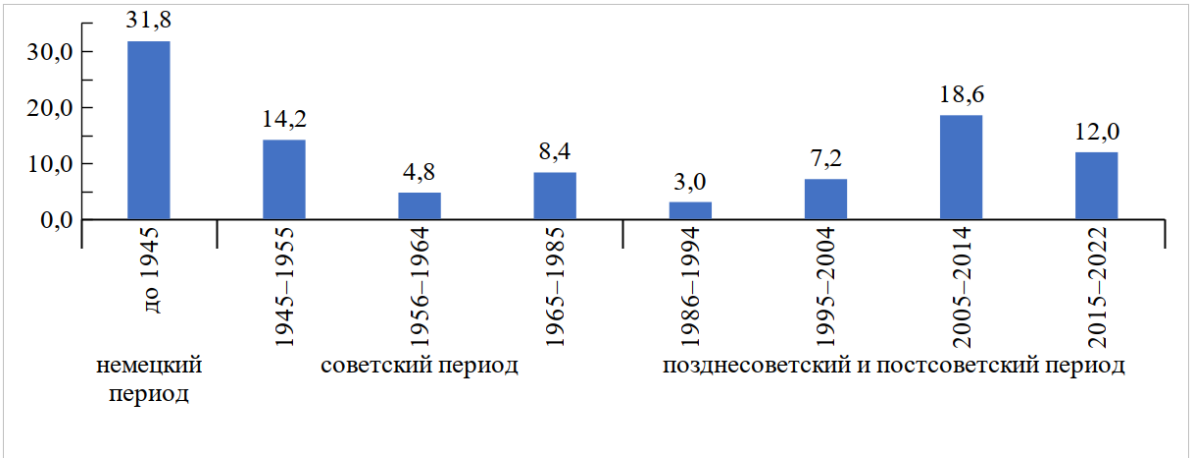

Рисунок 1. Динамика создания символических объектов в Калининградской области: доля памятников, памятных знаков, мемориалов, соборов, знаковых сооружений и музеев, созданных и реновированных в разные периоды времени (%)
Источник: Собранная база данных культурно-исторических и символических объектов Калининградской области (N=1162), расчеты авторов.

Figure 1. Dynamics of creation of symbolic objects in the Kaliningrad region: share of monuments, memorials, cathedrals, landmark structures, and museums created and renovated in different periods of time (%)
Source: Collected database of cultural-historical and symbolic objects of the Kaliningrad region (N=1162), authors' calculations.

Следующий всплеск активности приходится уже на постсоветские 2005-2014 гг. и связан с расширением Евросоюза и постепенным нарастанием напряжения в отношениях Россия–ЕС.

Этим двум вершинам противостоят два периода стагнации, первый – в годы хрущевской «оттепели», когда разоблачения преступлений сталинизма сопровождались скорее сносом памятников, нежели созданием новых; второй – в годы горбачевской «перестройки». Задуманная как программа демократизации политической жизни страны и либерализации экономики, перестройка обернулась распадом СССР, девальвацией советской идеологии и параличом органов власти. Уровень активности государства в сфере монументальной политики заметно снизился, зато репертуар вновь создаваемых и восстанавливаемых символических объектов существенно расширился (рис. 2). Впервые за все послевоенные годы уделялось сравнимое и даже большее внимание реновации и реставрации довоенных памятников, чем возведению новых; наметилась практика обращения к памяти «забытой» Первой мировой войны, а также к символам русского православия.

Описанная динамика демонстрирует связь политического контекста жизни страны и возведения памятников как средства визуализации «правильных» взглядов и позиций. Созданные под влиянием конкретных социально-политических обстоятельств и являясь их олицетворением, они обре-

тают смысл символов эпохи, неподвластных времени. Чем настойчивей пропагандируется эта мысль, тем разительнее выглядит коллапс вечного под влиянием смены вех, утраты одними объектами статуса неприкосновенности и обретения его другими. Неподвижные памятники приходят в движение, перемещаются на новые места, меняют пьедесталы, сносятся, возводятся и ренови-руются, вступают в идеологические войны. Чтобы лучше понять латентные механизмы наблюдаемых трансформационных процессов, обратимся к анализу нарративов, определявших отбор сюжетов и форм коммеморации, а также объектов, наделяемых статусом памятника, в каждый конкретный период «жизни» культурного ландшафта Калининградской области.

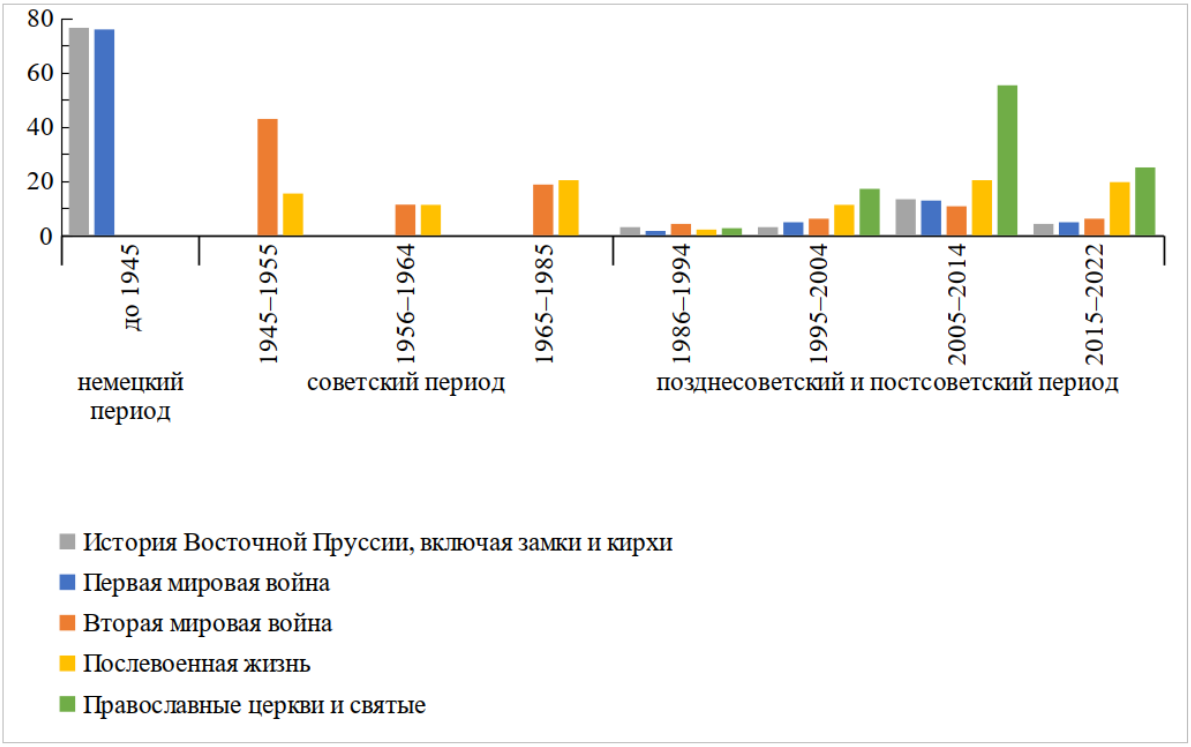

Рисунок 2. Трансформация тематической структуры символических объектов Калининградской области: доля памятников соответствующей тематики по периодам времени (%)
Источник: Собранная база данных культурно-исторических и символических объектов Калининградской области (N=1162), расчеты авторов.

Figure 2. Transformation of the thematic structure of symbolic objects of the Kaliningrad region: share of monuments related to the subject matter by the period of time (%)
Source: Collected database of cultural-historical and symbolic objects of the Kaliningrad region (N=1162), authors' calculations.

Эволюция нарративной логики памятников

Хотя каждый памятник создается как нечто оригинальное, а всякий объект или место, наделяемое статусом «памятника», одновременно наделяется и особым значением, за проявлениями уникальности несложно обнаружить черты сходства – общность стилистики, вкусов, принципов и установок времени. Для выявления таких канонов и акцентирования их сменяемости мы прибегли к жанровым метафорам, акцентируя внимание на композиционно-символической трансформации материальной среды жизни калининградского социума.

Рисунок 3. Руины послевоенного Кенигсберга/Калининграда
Источник: От Кенигсберга до Калининграда. Восстановление и архитектурное развитие города в период интенсивного заселения края. Специальный проект БФУ им. И. Канта. https://special.kantiana.ru/kaliningrad

Figure 3. Ruins of post-war Königsberg/Kaliningrad
Source: From Koenigsberg to Kaliningrad. Restoration and architectural development of the city during the period of intensive settlement of the region. Special project of Immanuel Kant Baltic Federal University. https://special.kantiana.ru/kaliningrad

1945–1955: *Героический эпос послевоенного десятилетия*. Основными маркерами культурного ландшафта Калининградской области в первое послевоенное десятилетие были многочисленные руины, островерхие башни уцелевших лютеранских кирх и крыши домов, крытых красной черепицей (рис. 3). Хотя развалины прежней благополучной жизни Восточной Пруссии производили сильное впечатление и сами по себе являлись памятником прошедшей войны, понятие «памятник» в это время связывалось не столько

с назиданием будущим поколениям, сколько с памятью о павших советских воинах, и сводилось к представлению о скромном обелиске с красной звездой (Костяшов, 2020). Иногда такие братские могилы были отмечены именами погибших, а иногда простой надписью о героях, отдавших свою жизнь за советскую Родину. Единственным действительно монументальным сооружением того времени был «Мемориальный ансамбль 1200 воинам 11-й Гвардейской армии, погибшим при штурме Кенигсберга», открытый осенью 1945 г. и получивший свое скульптурное завершение в 1946 г. (рис. 4). Скромность монументальных средств и превалирование обезличенных эпитафий придавало повествованию о войне характер эпоса, который включал в себя и описание Восточной Пруссии как извечной угрозы российской государственности, и Калининградской области как земли, «политой русской кровью», и рассказ о самопожертвовании «наших» солдат. По законам жанра в центре эпоса стояла фигура вождя, приведшего народ к победе. Эта идея нашла относительно скромное выражение сначала в «Мемориале героев-гвардейцев», на центральном обелиске которого была помещена медаль «За победу над Германией», повернутая к зрителю стороной с изображением Сталина, а затем в установке памятника Сталину (по факту, посмертному) в апреле 1953 г. на площади Победы в Калининграде. Все эти детали, находясь в непосредственной связи с живым опытом военных поколений и отсылая к «народному гневу», «священной войне», «справедливому возмездию» и «великому Сталину», позволяли вписывать трофейный регион в единое культурное пространство страны, а перенос двойного принципа «начала истории» и «нации-вождя» из революционного времени в послевоенные калининградские реалии – определять общее советское будущее.

1956–1964: *Народная сага хрущевской «оттепели»*. Относительно короткая хрущевская эпоха обозначила свои идеологические приоритеты после XX съезда КПСС, соединив пост-сталинскую либерализацию политического режима внутри страны – «оттепель», – с кульминацией «холодной войны» на внешнеполитической арене. Это время выдвинуло лозунг «Все во имя человека, все для блага человека», призванный укрепить союз народа и коммунистической партии. Одновременно был создан прецедент переосмысления короткой истории советского государства как истории ужаса и террора, что подрывало основы идеологического постулата о сплоченности и единстве. Вождь «всех времен и народов» был свергнут с пьедестала в прямом и переносном смысле. В Калининграде на месте памятника Сталину, демонтированному в 1958 г., установили памятник Ленину[1]. В 1959 г. в городе

1 Калининградский памятник Сталину – уменьшенная копия скульптуры Е. В. Вучетича, установленной на Волго-Донском канале в Сталинграде (Волгограде), – имел непростую судьбу: в 1958 г. власти всех уровней еще не решались демонстрировать негативное отношение к вождю «всех времен и народов», поэтому монумент, поврежденный во время ночного демонтажа на площади Победы, был быстро восстановлен и перенесен на новое место – сквер на пересечении современного проспекта Ленина и Театральной улицы, где он простоял до 1962 г.

появился и памятник М.И. Калинину, в честь которого, как номинального главы государства в 1919–1946 гг., был переименован Кенигсберг. В 1961 г. пантеон «отцов-основателей» дополнил гранитный бюст К. Маркса. Созданный визуальный ряд работал на тезис о марксистско-ленинской традиции в советской политике в противовес сталинскому произволу. На смену эпическому сказанию о «народе и вожде» пришла сага о «народе-победителе», которая на общенациональном уровне считывалась как единство фронта и тыла, людей разных национальностей, вероисповеданий, статуса и званий. Стержнем повествования стала идея единства судьбы народа и судьбы страны, основные акценты делались на прозаической стороне жизни и обычных людях – «незаметных тружениках и героях». В 1959 г. с легкой руки О. Берггольц в широкий обиход входит слоган «Никто не забыт и ничто не забыто». На этом фоне стало особенно заметно неприглядное состояние многих воинских захоронений, пришедших в запустение за послевоенное десятилетие. Процесс замены временных обелисков на фундаментальные памятники и мемориальные комплексы активизировался, имена погибших перекочевали из военных архивов на гранитные плиты. Перед Мемориалом «героев-гвардейцев» был зажжен вечный огонь – символ неугасающей памяти живых о павших в борьбе с фашизмом; загорелся он и в других городах Калининградской области. К готическим руинам как визуальным доминантам культурного ландшафта добавились бронзовые и гранитные монументы над местами захоронений. Скорбь и тлен стали главными чертами образа региона.

Следует упомянуть и о другой особенности хрущевского периода: «оттепель» приоткрыла дверь инакомыслию, создав условия для появления первых ростков публичного противостояния сторонников принципа «нулевой точки отсчета» региональной истории и идей апроприации прошлого Восточной Пруссии как части региональной культуры. Выразительным примером дискурсивного соперничества стал проведенный в сентябре 1963 г. конкурс на создание монумента «В честь воинского и трудового подвига калининградцев, основавших на месте руин новый социалистический город Калининград»[1]. Хотя результаты конкурса остались на бумаге, рассуждения о наследии Восточной Пруссии из области геополитики перекочевали в область культуры и стали каналом продвижения альтернативных взглядов. Растущий интерес местного населения к немецкому прошлому в какой-то мере дезавуировался трансляцией тезиса об «исконно славянских землях», для обоснования которого привлекались археологические находки и историко-культурные аргументы, часто не выдерживающие критики.

1 Название конкурса хорошо отражает дух того времени. Так, в неформальном гимне региона, написанном П. Турчаниновым на слова Л. Колбасенко, пелось: «Москвичи, куряне, псковичи, смоляне – мы в труде не ведали никаких преград. Отдыха не знали, из руин подняли новый русский город – наш Калининград».

Рисунок 4. Скульптурное оформление «Мемориального ансамбля 1200 воинам 11-й Гвардейской армии, погибшим при штурме Кенигсберга». Архивное фото
Источник: Открытый общественный портал «Карта памяти». https://memory-map.1sept.ru/#/memorial-5120/type=map&center=54.711414,20.492314&zoom=13

Figure 4. Sculptural design of the "Memorial Ensemble to 1200 soldiers of the 11th Guards Army who died during the storming of Königsberg". Archival photo
Source: Open Public Portal "Map of Memory". https://memory-map.1sept.ru/#/memorial-5120/type=map&center=54.711414,20.492314&zoom=13

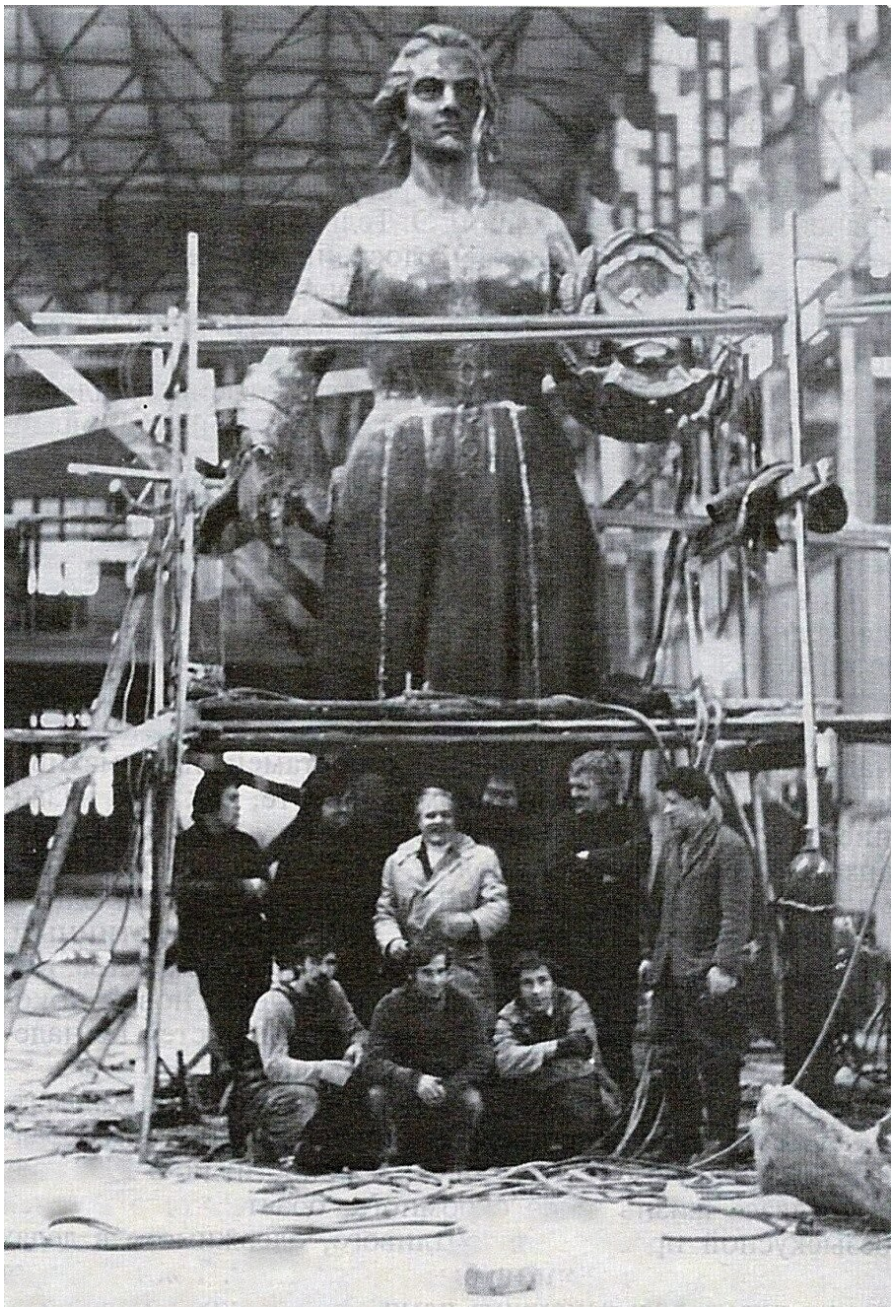

Рисунок 5. Скульптура «Мать-Россия» в мастерской в окружении своих создателей, 1974 г. Архивное фото
Источник: Сетевое СМИ «Центральный район Калининград». OK.RU. https://ok.ru/group/61214623662191/topic/158688866300015

Figure 5. Sculpture “Mother Russia” in the workshop surrounded by its creators, 1974. Archival photo
Source: Network media “Central District of Kaliningrad”. OK.RU. https://ok.ru/group/61214623662191/topic/158688866300015

В копилку нарратива о балто-славянских корнях региональной культуры легло и широкое празднование 250-летия К. Донелайтиса, которое стало прологом к созданию мемориального музейного комплекса в пос. Чистые Пруды – бывшем Тольмингкемене, где литовский классик провел большую часть своей жизни[1]. Все эти малозаметные сдвиги вели к тому, что политика все более приобретала привкус временности, а культура – вечности. Культурный ландшафт региона, мало меняясь физически, утрачивал в глазах населения свою символическую стерильность, древние камни Восточной Пруссии «оживали» и обретали своих фанатов. Механизмы формирования культурной памяти пришли в движение. В результате слово «культура» в калининградском лексиконе накрепко срослось с определениями «немецкая» и «чужая» и стало восприниматься как антипод советским реалиям.

1965–1984: *Поэтика брежневского «застоя»*. Двадцатилетний период брежневской стабильности на уровне лозунгов и деклараций выглядел монотонной трансляцией заезженных идей – эпохой «застоя», но немые монументы говорили об обратном. За ширмой привычной риторики и стандартных образов шло активное обновление смыслов; памятники этого времени меняют свой внешний вид, а главное – внутренний посыл. Причина этого, с нашей точки зрения, в нарастающем диссонансе между социальной памятью вчерашних переселенцев как хранилищем коллективного опыта и культурной памятью «новых» калининградцев как кладезем исторических ассоциаций. Конечно, в то время никто не рассуждал о происходящих процессах в терминах современной науки, но ощущение этого разрыва и интуитивное осознание эрозии советской идентичности присутствовало. Возник запрос на укрепление патриотических чувств. Предпринятые действия отвечали сложившейся модели советского патриотизма, которая сочетала революционную идею пролетарского интернационализма и глубоко традиционную – преданности отеческой земле, семье и дому, защите будущего детей (Родионова, 2009). За реализацию первой части формулы отвечали уже воздвигнутые памятники Ленину и Марксу, вторую – должен был поддержать установленный в 1974 г. монумент «Мать-Россия» (рис. 5). Сегодня трудно оценить, насколько эта акция повлияла на сознание людей, но вполне уверенно можно утверждать, что сопутствующий ей контекст был далек от однозначности. Само слово «патриот» в брежневское время обрело негативно-ироническое звучание, ассоциируясь с казенщиной и одиозными пропагандистскими кампаниями (Одесский & Фельдман, 2008). Вопросы патриотического долга

1 Празднование проходило в 1964 г., а открытие литературного музея К. Донелайтиса и торжественное перезахоронение его останков состоялось осенью 1979 г. Такая медлительность объясняется идеологической осторожностью: столь важное коммеморативное событие работало не только против немецкой культурной доминанты, но и в пользу претензий соседней Литвы на свои «исконные земли», которые охватывали чуть ли не всю территорию Калининградской области (Сафроновас, 2014). Неслучайно литовские культурные и политические деятели приложили максимум усилий для развития концепции «Малой Литвы» и создания мест литовского паломничества на территории региона (Jurginis, 1969; Rothe & Wiemer, 2016).

разделили общество на два лагеря: тех, кто отождествлял служение отечеству и служение советскому государству, и тех, кто противопоставлял эти два принципа. В первом случае быть патриотом означало добросовестно выполнять свои обязанности, следуя линии партии, во втором – оставаться верным себе и гуманистическим идеалам, а не навязанной идеологии.

Сага о единстве судьбы страны и народа дала трещину, ей на смену пришли дифирамбы патриотам государства.

Главной отличительной чертой брежневских памятников становятся портреты, статуи и бюсты конкретным людям. Стены жилых домов покрываются памятными досками в честь героев штурма Кенигсберга и других укрепленных районов Восточной Пруссии, ушедших из жизни в послевоенные годы, а также значимых фигур партийной, административно-хозяйственной и культурной элиты региона. Во множестве появляются корпоративные скульптурные композиции – памятники морякам, танкистам, связистам, летчикам, разведчикам, пограничникам, героям-комсомольцам, землякам-космонавтам и пр., прославляющие героизм, но не связанные ни с военными захоронениями, ни с боевыми действиями (рис. 6). Теперь речь идет не о памяти мертвых, а о желании живых подчеркнуть свое значение и статус, получить приносимые им репутационные дивиденды.

С одной стороны, такие памятники частично компенсировали мистическое настроение калининградского пейзажа, наполненного руинами, призраками прошлого и братскими могилами, с другой – возвращали ему дух мобилизации. В сочетании с военными гарнизонами, размещенными во многих населенных пунктах области, и большим количеством людей в военной форме, они создавали атмосферу осажденной крепости и военно-патриотического подъема. Однако в послевоенном мире милитаризм не был в чести; более того, он входил в противоречие с политикой разрядки международной напряженности (1968–1979 гг.) и Хельсинскими соглашениями (1975 г.). Идеи «холодной войны», как тогда казалось, себя исчерпали. Отношение к немцам как смертельным врагам сменилось интересом к их привычкам, трудам и образу жизни, которые в глазах калининградцев были более совершенными, чем собственный советский уклад. «Чужая культура» становилась все менее чужой и все более культурой. Идеологическая гегемония государства в сфере символической политики ослабла, идейная инициатива перешла в руки гражданских активистов, отделявших отечество от правящего режима. Чтобы хоть как-то контролировать новых властителей дум, государству не оставалось ничего иного, как зацепиться за образ того общества, которое оно неустанно разрушало на протяжении всех послереволюционных лет, и частично поддержать спонтанные инициативы.

Рисунок 6. Памятник морякам-балтийцам с установленным на постаменте оригинальным торпедным катером, 1978 г., Калининград. Архивное фото
Источник: Газета «Вестник Балтийска», цит. по Каскад ТВ. https://kaskad.tv/novosti/26549-na-grebne-volny-pamyatnik-moryakam-baltijtsam-v-kaliningrade

Figure 6. Monument to Baltic sailors with the original torpedo boat mounted on a pedestal, 1978, Kaliningrad. Archival photo
Source: "Vestnik Baltiysk" newspaper, quoted by Kaskad TV. https://kaskad.tv/novosti/26549-na-grebne-volny-pamyatnik-moryakam-baltijtsam-v-kaliningrade

На 1970-е – первую половину 1980-х гг. приходится время рассвета литературы «деревенщиков» и Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПиК), акцентировавших значение «малой родины» для большой российской культуры. Интеллектуалы видели в этой деятельности путь культурного возрождения страны, а власть – укрепления патриотических чувств. Но в Калининградской области эти подходы не работали: прошлое региона и его архитектура принадлежали не только иному времени, но и иной культурной стилистике, что приводило к прямому столкновению сторонников «охраны культурного наследия» и «изгнания прусского духа». Маятник проводимой политики качался из стороны в сторону. Так, практически в одно и то же время (1967–1970 гг.) был отклонен проект сноса руин Кафедрального собора и создания на его месте Пантеона героев Великой Отечественной войны и поддержан проект сноса руин Королевского замка и строительства на его месте Дома Советов – символа успехов советского Калининграда. Оба решения вызвали недовольство своих противников, расколов калининградский социум. Альтернативой, позволившей использовать идею «малой родины», не усугубляя конфликт в обществе, стало обращение к образам природы как составной части культурного наследия. Новыми симво-

лами региона постепенно становятся янтарь и природные ландшафты – Куршская коса, балтийское побережье, Ромintенская пуща, придорожные аллеи и парки. Куршская коса обретает статус заповедника, в Калининграде открывается Музей янтаря, фирменный поезд «Калининград–Москва» получает название «Янтарь», а Калининградская область – «Янтарный край». В том же ряду стоят и погодные ассоциации в духе «мой серый рай – дождливый город К»[1]. В результате регион стал ассоциироваться с островком природы и местом прогулок, а не «столкновения цивилизаций». Политическая составляющая образа Восточной Пруссии все более размывалась, а романтическая набирала силу, постепенно вовлекая в свою орбиту рыцарей, принцесс, замки, а также детали повседневного быта крестьян и бюргеров. Прошлое региона, подобно геологической структуре, стало отчетливо проступать из-под советских наслоений, определяя рельеф культурного ландшафта.

1985–1994: *Баллады перестройки и распада.* Гласность, перестройка и распад СССР поставили область перед новыми вызовами: оторванная от основной территории РФ, она не стала частью культурного единства с соседними Польшей и Литвой. Напротив, вопреки общности истории и тесным контактам, она рассматривалась как злокачественное новообразование на европейском теле. Информационный вал разоблачений, которыми изобиловало то время, полностью дискредитировал советское государство: на смену безудержным восхвалениям пришло столь же безудержное очернение. Обрушение советского режима рассматривалось как закономерное, а сам он как бесчеловечный и преступный (Эппле, 2022). Зримым воплощением сдвига исторических оценок стал 1992 г., когда были прекращены строительно-отделочные работы на практически завершенном Дворце Советов и начата реконструкция руин Кафедрального собора Кенигсберга/Калининграда. Сурово-монументальный символ советского строя был отнесен к категории уродства и варварства, а не менее сурово-монументальный символ тевтонского могущества и религиозного аскетизма – культуры.

На свой постамент, который с 1976 г. по 1992 г. занимал Э. Тельман, вернулся И. Кант. Воскресла и Восточная Пруссия, продолжив свою жизнь в переизданных исторических картах, двойных русско-немецких именах городов и улиц, широко распространившихся в местном фольклоре, фотоальбомах, названиях кафе и ресторанов. Единственным символом советской эпохи, не подвергнутым ревизии, оставалась победа в Великой Отечественной войне, но и это правоустанавливающее для региона событие пережило смысловое перекодирование. Вслед за Москвой было принято решение воздвигнуть на площади Победы – главной площади Калининграда и области – Храм Христа

1 Поэтическая строчка является парафразой на стихотворение И. Бродского «Открытка из города К» (1967) и принадлежит калининградскому поэту, выступавшему под псевдонимом Фрэнк Лайон. В широкий публичный оборот она вошла в середине 1980-х гг., когда упоминание о «городе К» несло в себе интеллектуальную фронду: прусские, польские, литовские и советские имена города начинались на букву «К», так же, как и имена связанных с ним знаковых личностей – Канта и Карамзина.

Спасителя. Его строительство не только вносило православные образы в пространство лютеранских кирх, но и меняло нарративную логику всего ансамбля площади. Победа в войне теперь была не следствием мудрого руководства партии/вождя и стойкости народа, а результатом небесного покровительства и Божьего провидения[1].

Однако население Калининградской области было мало склонно к религиозности. Напомним, что, по мнению исследователей, это был наиболее советизированный регион страны. Первый официально зарегистрированный православный приход появился здесь только в 1985 г. в помещении бывшей Юдиттен-кирхи, ставшей Свято-Никольским храмом. Все конфессиональные объединения региона, включая лютеран и католиков, вплоть до начала 1990-х гг. действовали на неформальной основе и были представлены малыми группами прихожан. Иначе говоря, ни православная, ни какая другая церковь или религиозная община не могла в те годы претендовать на роль значимого социального института. Это заметно отличало культурную атмосферу региона от переживавшей религиозный подъем Центральной России. Скорее можно говорить о сходстве настроений калининградцев с царившими в соседних Польше и Литве. Наиболее полно эти взгляды были выражены в программном эссе М. Кундеры «Похищение Запада, или Трагедия Центральной Европы» (1984), где он развивал идею потери центральноевропейскими странами собственной судьбы и идентичности в результате насильственного отторжения от Европы-матери и оккупации Россией-мачехой – страной глубоко чуждой истории и культуры. Этот нарратив обрел многочисленных поклонников в постсоциалистических и постсоветских странах: негативный образ «варварской Москвы» вкупе с позитивным образом «цивилизованной Европы» использовался как фундамент национально-государственного строительства, а в случае Калининградской области – региональной особости и идентичности. Гражданские активисты – защитники прусской истории и наследия – обрели громкий голос и из маргиналов превратились во влиятельную силу. Это движение на уровне социума воспринималось с воодушевлением, а власти – с осторожностью. По словам И.О. Дементьева, позиция региональной администрации того времени сводилась к «*невмешательству в спонтанно разворачивавшийся процесс освоения довоенного прошлого калининградцами в форме разнообразных культурных и просветительских инициатив*» (Дементьев, 2023, с. 143). Материальных свидетельств этого периода в культурном ландшафте осталось немного, но зато он был богат на идеи, воплотившиеся позже.

1995–2005: Повесть о примирении. Логичным следствием перестройки, падения Берлинской стены, распада системы социализма и окончания «холодной войны» стала политика «исторического примирения», развивающая нарратив о маленьком человеке как жертве истории. Гибель людей, незави-

1 Памятник Ленину на площади Победы был демонтирован в 2004 г.; он вернулся на улицы Калининграда в 2007 г., заняв более скромное место на площади Искусств, поблизости от памятника Калинину.

симо от того, на чьей стороне они выступали и к какой категории относились – победителей или побежденных, приносила боль и страдания. Память об их трагических судьбах должна была стать напоминанием о неприемлемости насилия для решения политических проблем. Начавшись как поминальная молитва, нарратив «исторического примирения» постепенно включил в себя и другие аспекты межгосударственных отношений, фокус повествования сместился на акцентирование общности истории и межкультурный диалог (Bevernage, 2018). Особенно ощутимым этот сдвиг был в приграничных регионах. В теоретическом плане он означал обращение к совместному прошлому граничащих стран ради преодоления взаимной подозрительности и вражды, в практическом – право реализовывать «свою» политическую повестку на территории другого государства. В Калининградской области развернулся процесс сооружения мемориалов, установки и реновации памятников, связанных с немецким периодом истории региона, коммеморацией деятелей литовской культуры и знаковых фигур польского пантеона. Детали и последовательность этого процесса подробно описаны в статье Д. Манкевича и М. Мегема (Манкевич & Мегем, 2023), поэтому не будем на них останавливаться. Отметим только тенденции, привнесшие новые смыслы в культурный ландшафт.

1. Поскольку подавляющее большинство проектов в рамках «исторического примирения» финансировалось правительствами Германии, соседних стран, крупными национальными фондами и патриотически настроенными меценатами, идеи построения пространства общей памяти довольно быстро выродились в стратегии обретения контроля над производством символов и знаков, инструмент борьбы за власть над прошлым и его репрезентацией. Несмотря на риторику открытости и примирения, сопровождающую создание новых объектов, связанный с ними ассоциативный ряд обеспечивал ретрансляцию застарелых претензий и обид, провоцируя подозрительность. Как следствие, в середине 2000-х гг. в регионе с неожиданной силой вспыхнул давно тлевший конфликт между теми, кто ратовал за сохранение «чужой культуры», и теми, кто видел в этом угрозу «германизации» региона и его отторжения от страны. Разногласия по поводу прошлого региона превратились в раздоры по поводу его будущего.
2. Активное участие немецких фондов и правительства Германии в реализации реставрационно-восстановительных работ стимулировало негласное установление паритетного принципа в отношении коммеморативных практик. Полузабытое участие российского государства и российских деятелей в европейских событиях, происходивших на территории Восточной Пруссии, было ре-актуализировано в качестве противовеса «наступлению» немецкой исторической памяти. Рестав-

рации Кафедрального собора бывшего Кенигсберга соответствовало строительство Храма Христа Спасителя; созданию мемориального кладбища в Балтийске, где покоятся останки более 13 тыс. человек, большинство из которых составляют немецкие солдаты, – установка в городе памятников Петру Первому и «дщери Петровой» – Елизаветы, годы правления которой были отмечены кратким пребыванием Восточной Пруссии в составе Российской империи; поновляемым символам Пруссии, подчеркивающим ее роль в создании единой Германии и немецкого Рейха, противопоставлялись символы российских побед, мужества русского солдата и понесенных потерь в сражениях при Гросс-Егерсдорфе (1757), Фридланде (1807), Прейсиш-Элау (1807), Гумбиннене (1914) и пр. (рис. 7).

Нарратив перенесенных страданий, лежащий в основе политики «исторического примирения», способствовал тому, что в Калининградской области рядом с памятниками героям и деятелям культуры встали памятники жертвам. Пространство региона, которое долгое время позиционировалось как зона межкультурных контактов, оказалось зоной неизбывного насилия. Эпическая героика монументов первых послевоенных десятилетий и панегирики брежневского времени сменило трагедийное повествование. Этот нарратив оказался столь всеобъемлющим, что вобрал в себя не только судьбы людей – жертв Холокоста, мирных жителей, узников концлагерей или, например, св. Адальберта – католического миссионера, погибшего от рук язычников в 997 г. (памятный крест в его честь был восстановлен в 1997 г.), но и здания, сооружения, деревья, брусчатку, образ жизни и привычки людей. Поскольку за «памятью жертв» стояли конкретные активисты, продвигающие интересы своего движения, возникла своего рода конкуренция за доступ к ограниченным ресурсам мемориальной политики – статусу и финансам.

2005–2014: *Сказание о ценностях*. В 2004 г. Польша и Литва стали полноправными членам ЕС, что привело к ужесточению режима границы с Калининградской областью, — теперь она наделялась смыслом цивилизационного рубежа. В фокусе противопоставлений оказался вопрос о ценностях: с европейской стороны границы провозглашалось торжество гуманизма в противовес имперским инстинктам авторитарной России, с российской – приверженность культурной традиции, противостоящей разрушительной силе неолиберализма, эгоизма и бездуховности. На этом фоне политика Польши и Литвы приобретала все более выраженный антироссийский характер, участились случаи сноса и осквернения советских и даже дореволюционных российских памятников. В Калининградской области антизападные настроения тоже усилились, но в целом возобладал иной подход. Основной акцент был сделан на продвижении образа «святой Руси» как опоры традиционных ценностей, основные ресурсы направлялись на строительство православных храмов. Регион засиял золотыми куполами, блеск которых сильно контрастировал

с обветшалыми символами советской эпохи и руинами лютеранских соборов, недвусмысленно указывая на Россию как источник не только политико-юридической, но и культурно-символической власти. Кульминацией этого тренда стала массовая передача в собственность РПЦ культовых сооружений довоенного времени, в число которых вошли и тевтонские замки. Большинство переданных в 2010 г. объектов находилось в руинированном состоянии и требовало значительных капитальных вложений даже для консервации.

Сказание о ценностях активно поддерживалось и в информационном пространстве региона – арене борьбы с «германизацией». По убеждению мнемонических борцов из числа общественников, необходимо было «*очистить самые важные сегменты общественной жизни <…> от людей, которые продвигают чуждые нашей культуре ценности*» (Дементьев, 2023, с. 146). Защитной реакцией гражданского общества на выдвигаемые обвинения стала разработка темы особости восточно-прусской культуры как культуры смешений и ее кардинального отличия от культуры Германии в духе «Пруссия – не Германия». Власть заняла третейскую позицию. Борьба с «германизацией», ведущаяся силами общественности, укрепляла монополию местных администраций на символический контроль территории, а разграничение культуры ушедшей в прошлое Восточной Пруссии и современной Германии деполитизировало обращение к культурному наследию региона как локальному имиджевому ресурсу. В результате была сформирована новая логика символической политики, вобравшая нарративные элементы разных смысловых рядов.

Яркий пример смысловой эклектики – принятие в 2006 г. официального герба Калининградской области, который соединил в себе все местные смысловые доминанты: природу (море и янтарь), военное, политическое и торговое значение (крепость с открытыми воротами), «янтарную» корону, отсылающую то ли к немецким, то ли к русским князьям, геральдический вензель императрицы Елизаветы и орденскую ленту советского ордена Ленина – награды, присвоенной региону в 1966 г. Одновременно был взят курс на монетизацию прошлого в противовес его романтизации, виктимизации и героизации. Первой ласточкой стало строительство «Рыбной деревни» в Калининграде в 2006–2010 гг., намекающей на былую атмосферу этого места. Проект показал, что имитация исторических объектов успешно выполняет функции достопримечательностей, привлекает туристов, свадебные кортежи и фотосессии. При этом отсутствие аутентичного содержания освобождает от проблем, связанных с реальным наследием. Культурный ландшафт обрел ценность источника доходов.

Рисунок 7. Памятник «Штыковая атака», посвященный русским воинам-участникам Гумбинненского сражения Первой мировой войны, г. Гусев
Источник: Фото авторов.

Figure 7. The monument "Bayonet Attack" dedicated to Russian soldiers participating in the Battle of Gumbinnen of World War I, Gusev
Source: Authors' photo.

2015–2022: *Ремейк*. Ремейк как литературный жанр означает переложение знаковых произведений прошлого на язык своего времени, места и общества. Популярность ремейков не в последнюю очередь связана с популярностью исходных произведений, что позволяет ре-контекстуализировать узнаваемые образы и обыгрывать связанные с ними идеи. После 2015 г. ремейк становится главным трендом композиционно-семантической реорганизации культурного ландшафта региона. Об этом говорят:

а) историзация памяти советского человека, что нашло выражение в музейных экспозициях, памятниках и памятных знаках, посвященных первым переселенцам в Калининградскую область;

б) реконструкция архаического прошлого, возвращающего к капищам, викингам, драккарам и городищам[1];

в) изменение отношения к немецкому культурному наследию как привлекательному локальному орнаменту, а не выразителю чужих ценностей.

Декорирование фасадов хрущевских пятиэтажек на проспекте Ленина в Калининграде в духе ганзейской архитектуры – это не единственный, однако яркий пример. Программы городского благоустройства, реализуемые во всех населенных пунктах области, вернули им подобие исторического облика. Особо можно выделить преображение курортных городков и сильно обветшавшего поселка Железнодорожный, где в силу периферийности сохранились улицы полуразрушенных фахверковых домов (рис. 8). В 2020 г. в регионе было создано общественное движение «Хранители руин», поддержанное местной властью. Риторика его лидеров разительно отличается от риторики предыдущего поколения защитников немецкого наследия, боровшихся за подлинность, историческую правду и культуру в противовес «советскому варварству». Новая волна выдвинула идею коллективной заинтересованности в обустроенной жизненной среде и практическом использовании руин как туристических объектов и живописных пространств публичных мероприятий[2].

Ремейком как способом изменить привычную логику изложения фактов является и нарратив «русской Пруссии». Он возник еще в первое послевоенное десятилетие, но тогда эпитет «русская» означал этнонациональные принципы раздела территории Восточной Пруссии, согласно которым границы новых политико-административных образований должны были соответствовать культурным общностям, в составе которых преобладали носители одного языка и традиции. В этом смысле три части Восточной Пруссии становились польскими, литовскими и русскими. Этнокультурные аргументы широко использовались в Польше и Литве, но довольно скромно в России. Проблема состояла не столько в слабой выраженности исторического присутствия русских в регионе, и не только в продвигаемой советской идеологией концепции интернационализма, но и в сходстве доводов, используемых для обоснования права СССР на «трофейный» регион и права «победителя» в эпоху крестоносцев. Завоевания, даже освященные пролитой кровью, борьбой с гитлеризмом и Потсдамскими соглашениями, перестали рассматриваться в качестве легитимного способа расширения пределов государствен-

1 В 2016 г. недалеко от курортного Зеленоградска была «воссоздана» деревня викингов Кауп, где регулярно проводятся разного рода исторические реконструкции и мероприятия.

2 «Хранители руин»: Забота о памятниках должна быть как национальная идея. РБК, Калининград. https://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/20/01/2022/61e6ac569a794799aa6d8c2f?ysclid=lm6mynogup578904827

ного суверенитета. Требовались иные аргументы, позволяющие начинать рассказ о «русской Пруссии» не с 1945 г., а с более ранней даты.

Эту задачу решало повествование о нынешней Калининградской области как зоне жизненных интересов России, территории, где постоянно ощущалось физическое и духовное присутствие русских, Руси и Российской империи. Согласно этому тезису, русские не завоевали эту землю, а вернулись сюда после очередного кровопролития, навсегда загасив очаг военных угроз. Популяризации новой версии нарратива «русской Пруссии» способствовал одноименный фильм, вышедший в 2019 г. и представивший историю региона как цепь героических побед русского оружия, а визуализации – не снижающаяся активность возведения православных храмов в честь Св. князей, полководцев и русского воинства. Культурный ландшафт Калининградской области обрел значительное сходство с другими российскими регионами, где отдельные отреставрированные символические объекты, связанные с локальной историей и обладающие выраженной культурной спецификой, сочетаются с куполами православных церквей и унифицированной советской застройкой.

Рисунок 8. Реновация фахверковых домов в пос. Железнодорожный
Источник: Фото авторов.

Figure 8. Renovation of half-timbered houses in Zheleznodorozhnyi village
Source: Authors' photo.

Еще одним ремейком стал смысловой реванш, казалось бы, изжитого взгляда на мир как арену вражды. Характерный пример – увековечивание в Калининграде памяти таких знаковых фигур российской истории как Св. благоверный князь Александр Невский и маршал Советского Союза А. М. Василевский. Первый – герой ливонской войны и Ледового побоища

1242 г., второй – штурма Кенигсберга в апреле 1945-го; оба символизируют победу России в историческом противостоянии с Западом. Имя Александра Невского вошло в городскую топонимию Калининграда уже в первые послевоенные годы в ходе кампании переименований, а площадь маршала Василевского появилась в 1979 г. вместе с открытием воинского мемориала. Трудно сказать, в какой мере возникший семиотический эффект был запланирован, но между улицей, площадью и мемориалом установилась ассоциативная связь, объединяющая жертву и подвиг народа в защите Родины от угрозы с Запада. Окончание холодной войны и открытие границ де-актуализировало этот нарратив, превратив идеи исторического противостояния в рудименты советского прошлого. Тогда казалось, что невозможно двигаться вперед с головой, повернутой назад. Изменения, происходившие на этом небольшом пятачке, касались в основном благоустройства и восстановления объектов немецкого культурного наследия – Росгартенских ворот Кенигсберга, обустройства Литовского вала, расчистки водоемов, строительства ресторанного комплекса «Королевская резиденция». В начале 2000-х гг. ситуация меняется, на площади А. М. Василевского в центре мемориала воинской Славы был установлен гранитный памятник маршалу. Затем на улице Александра Невского рядом с площадью был возведен православный храм. Хотя он строился как университетская церковь Св. Татьяны, в 2013 году его освятили в честь Александра Невского. В 2018 году ансамбль площади был завершен установкой бронзового монумента Св. благоверному князю с хоругвью и мечом в руках (рис. 9). В торжественных речах на открытии памятника звучало: «*Возведение памятника здесь, в центре Калининграда, на западных рубежах нашей Родины – это важный знак того, что это наша земля*»; «*Такая вот у нас рифма: Александр Невский – маршал Василевский, через века прошедшая рифма защитников нашей Родины. Один в свое время начал, другой – закончил*»[1]. Вся эта череда коммеморативных актов была считана местным сообществом как ре-актуализация нарратива противостояния, подчеркивание конфликтной динамики отношений с европейскими соседями и визуальное воплощение дискурса незыблемости российских территориальных прав. Круг замкнулся. Судя по всему, исчерпанным является и лимит алгоритмов репрезентации фактов и событий, связанных с прошлым Калининградской области. Ремейк завершил апроприацию регионального прошлого во всей его полноте, включая доисторическую, племенную, восточно-прусскую, российскую и советскую составляющие, что позволило местным жителям соотносить собственное «я» с окружающим миром в зависимости от разделяемых представлений.

1 «Одобрено Путиным: зачем в Калининграде открыли памятник Невскому». Новый Калининград, 18 апреля 2018. https://www.newkaliningrad.ru/news/community/18093607-odobreno-putinym-zachem-v-kaliningrade-otkryli-pamyatnik-nevskomu.html

Рисунок 9. Памятник Александру Невскому в г. Калининград
Источник: Фото авторов.

Figure 9. Monument to Alexandr Nevsky in Kaliningrad
Source: Authors' photo.

Заключение

В статье была предпринята попытка семиотического анализа трансформации культурного ландшафта Калининградской области под влиянием, с одной стороны, изменчивости политических установок, а с другой – постоянства задач интеграции региона в российское культурное пространство и апроприации его немецкого наследия. Внимание было сфокусировано на коммуникативных аспектах пространственной среды жизни человека, анализе связей между нарративной и физической реальностью. Использование жанровых характеристик литературных произведений в качестве идентифицирующих референций пространственных образов позволило проследить эволюцию смысловых доминант культурного ландшафта. Удалось показать, что его постепенное включение в российский контекст явилось следствием столкновения и наслоения различающихся схем объяснения действительности, черпающих свои аргументы из арсенала прошлого, а не результатом продуманной и целенаправленной политики.

Современный культурный ландшафт Калининградской области как «документ», в котором зафиксированы все перемены в обществе, гораздо ближе к представлению об интертекстуальном пространстве, нежели о палимпсесте, скрывающем под новыми наслоениями прежние письмена. Множественность пересечений разновременных посланий оказалась адекватной плюрализму социума и множественности социальных идентичностей, а возможность выбора и комбинации смысловых значений – изменчивой

современности, позволяя людям сопереживать прошлому, актуализируя его в настоящем, и прогнозировать собственное будущее.

Проведенный анализ показал, что основополагающий нарратив Калининградской области о «легитимном завоевании», закрепленный многочисленными военными мемориалами, никогда не был единственным композиционно-символическим стержнем культурного ландшафта региона. Более того, его структурирующее значение со временем снижалось, а интеграционный потенциал, позволявший встраивать «трофейный регион» в единое пространство страны, был практически исчерпан к началу 1990-х гг. Только в последнее десятилетие, отмеченное открытым противостоянием со странами ЕС, он возродился в форме тезиса об агрессивности коллективного Запада и имманентно присущем ему чувстве цивилизационного превосходства, выстраивания логической связи между походами крестоносцев, Великой Отечественной войной и специальной военной операцией (СВО). Вопреки представлениям о господстве нарратива «легитимного завоевания», культурный ландшафт Калининградской области дает множество свидетельств предпринятых усилий по преодолению опыта противостояния и замещению милитаризованного исторического нарратива Восточной Пруссии созидательным – советских достижений, идеологии и образа жизни. Однако беспрецедентное насыщение региона советскими памятниками, монументами, символами и прочими знаковыми артефактами лишь отчасти достигло своей цели. Преодолению конфликта двух культурных проекций на одну и ту же территорию мешала аберрация коллективных представлений: позитивного восприятия всего, что содержало намек на запретную европейскую культуру, и негативного – на приевшуюся советскую действительность. Символическое противопоставление придавало культурному ландшафту значение объекта референции, по отношению к которому местное население определяло свои взгляды и позиции.

Ситуация изменилась, когда советское прошлое вслед за немецким переместилось в сферу истории; конфликтность пространственных проекций резко ослабла. Дело не в том, что онтологические различия между ними перестали существовать, — они сохранились, но перестали нести в себе смысл борьбы за власть над пространством и умами людей. Когнитивные барьеры включения Калининградской области как в национальное пространство России, так и соседних европейских стран заметно снизились. Возникла возможность создания единого пространства общей истории юго-восточной Балтии. Эта идея была с энтузиазмом воспринята всеми странами, исторически связанными с прекратившей свое существование Восточной Пруссией. Она способствовала активизации культурных интервенций на территорию Калининградской области, расширению репертуара памятников, мемориалов, обновлению музейных экспозиций, реставрации и воссозданию архитектурных сооружений, строительству православных соборов и пр. Однако, вопреки

ожиданиям, развернувшаяся деятельность привела не к росту взаимопонимания и доверия, а к конкуренции мнемонических борцов, настаивающих на собственных версиях «общего прошлого» и продвигающих концепции полонизации, литвинизации, германизации и русификации региона.

В результате главным итогом попыток выстроить пространство «общей памяти» стало не историческое примирение, а признание правомерности рассмотрения истории Восточной Пруссии как феномена, отделенного от истории Германии. Данное обстоятельство сыграло существенную роль в решении задачи апроприации немецкого культурного наследия. Прошлое региона, начиная с рассказов о языческих племенах и заканчивая повествованием о жизни в предвоенной Восточной Пруссии, было историзировано в духе сказочных повествований о несуществующей стране, утратило политическую актуальность и было включено в большой российский нарратив подобно сказаниям о Земле Сибирской, древней Парме, Киммерии, Булгарии, Сарматии и т.д. Городское благоустройство, исторические реконструкции и монетизация образов прошлого завершили дело, превратив материальное наследие Калининградской области в ресурс туристической привлекательности и локального развития. То, что долгие годы было источником конфликтов, стало инструментом их разрешения.

Российская модель апроприации немецкого наследия, выработанная в ходе длительного соперничества представлений о культурных ценностях и идеалах, принципиально отличается от принятых в соседних Польше и Литве. Хотя изначально везде господствовала установка на отказ от немецкого прошлого, алгоритмы обоснования законности «своих» территориальных притязаний обладали спецификой; отличались и методы их продвижения. Так, в Литве основная ставка делалась на этнокультурные аргументы, повествование об онемеченных литувинниках и «Малой Литве» как священной для каждого литовца колыбели литовской культуры. В Польше, напротив, с осторожностью относились к использованию этнической карты, опасаясь сепаратистских настроений вармяков и особенно мазуров, идентифицировавших себя с Германией. Предпочтение было отдано полоноцентричной версии истории с опорой на нарратив о воссоединении польских земель, некогда входивших в состав Польского королевства или имевших к нему отношение, а также прославление Грюнвальдской битвы как «тигля», в котором выплавился «дух нации». На этом фоне российский подход к решению той же задачи выглядит более прагматичным и менее политизированным; он оставляет простор для критического восприятия предлагаемых способов интерпретации окружающей реальности и выработки социально разделяемого знания о прошлом на основе компромиссов.

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант №22–17–00263 «Эффекты и функции границ в пространственной организации российского общества: страна, регион, муниципалитет». Экспедиционный сбор информации выполнялся в рамках темы государственного задания Института географии РАН № FMWS-2024-0008 «Социально-экономическое пространство России в условиях глобальных трансформаций: внутренние и внешние вызовы».

The study was financially supported by the Russian Science Foundation, grant No. 22-17-00263 "Effects and Functions of Borders in the Spatial Organization of Russian Society: Country, Region, Municipality". Expedition data collection was carried out within the framework of the theme of the State Assignment of the Institute of Geography, Russian Academy of Sciences (FMWS-2024-0008) "Socio-Economic Space of Russia in the Conditions of Global Transformations: Internal and External Challenges".

Список литературы

Angermuller, J. (2015). Discourse studies. In J. D. Wright (Ed.), *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences* (2nd ed.). Elsevier. https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.03216-5

Barthes, R. (1970). Semiologie et urbanisme [Semiology and Urban Planning]. *L'Architecture d'aujourd'hui*, 153, 11-13. (In French).

Barthes, R. (2007). *Nouvelles mythologies [New Mythologies]*. Le Seuil. (In French).

Bellentani, F. (2021). *The Meanings of the Build Environment. Semiotic and Geographical Approach to Monuments in the Post-Soviet Era*. De Gruyter Mouton. https://doi.org/10.1515/9783110617276

Bernhard, M., & Kubik, J. (2014). A Theory of the Politics of Memory. In M. Bernhard & J. Kubik (Eds.), *Twenty Years After Communism: The politics of memory and commemoration* (pp. 7–34). Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199375134.003.0002

Bevernage, B. (2018). Narrating Pasts for Peace? A Critical Analysis of Some Recent Initiatives of Historical Reconciliation through 'Historical Dialogue' and 'Shared History.' In St. Helgesson & J. Svenungsson (Eds.), *Ethos of History. Time and Responsibility* (pp. 71–93). Berghahn Books. https://doi.org/10.2307/j.ctvw04kkp.8

Foucault, M. (1972). *The Archaeology of Knowledge & the Discourse on Language*. Pantheon.

Jurginis, J. (1969). Amžinoji ugnis ant lietuvninkų kapo [Eternal Fire on the Tomb of the Lithuanians]. In J. Jurginis (Ed.), *Istorija ir poezija [History & Poetry]* (pp. 301–312). Vaga. (In Lithuanian).

Laclau, E. (2014). *The Rhetorical Foundations of Society*. Verso.

Laclau, E., & Mouffe, Ch. (1985). *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. Verso.

Rothe, W., & Wiemer, D. (2016). *Zur Siedlungsgeschichte von Preussisch-Litthauen am Beispiel der Region des Kirchspiels Tollmingkehmen und Umgebung [On the Settlement History of Prussian-Lithuania using the Example of the Region of the Parish of Tollmingkehmen and Surroundings]*. PRUSSIA Gesellschaft. (In Germany).

Tjupa, V. (2014). Narrative Strategies. In P. Hühn, J. Ch. Meister, J. Pier, & W. Schmid (Eds.), *Handbook of Narratology* (2nd ed., Vol. 2, pp. 564–574). Walter de Gruyter. https://doi.org/10.1515/9783110316469.564

Torfing, J. (2005). Discourse theory: Achievements, arguments, and challenges. In D. Howarth & J. Torfing (Eds.), *Discourse theory in European politics: Identity, policy and governance* (pp. 1-32). Palgrave Macmillan Ltd. https://doi.org/10.1057/9780230523364_1

Zenkine, S. (2020). Mythologies, soixante ans apres. *Transilvania*, 4, 7–11. https://doi.org/10.51391/trva.2021.04.02.

Архипова, А., & Кирзюк, А. (2020). *Опасные советские вещи. Городские легенды и страхи в СССР*. Новое литературное обозрение.

Ассман, А. (2014). *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. Новое литературное обозрение.

Ассман, А. (2017). *Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна*. Новое литературное обозрение.

Барт, Р. (1975). Основы семиологии. В Е. Я. Бассин & М. Я. Поляков (Ред.), *Структурализм: «за» и «против». Сборник статей* (сс. 114–164). Прогресс.

Барт, Р. (2001). S/Z (Г. К. Косиков, Ред.). Эдиториал УРСС.

Гаврилина, Л. М. (2011). Калининградский текст в семиотическом пространстве культуры. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*, 6, 75–83.

Гаврилина, Л. М. (2013). «Калининградский текст» как репрезентация региональной идентичности. *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*, 5, 88–99.

Григорьева, Р. А., & Мартынова, М. Ю. (2017). *Молодежь в городах Калининградской области*. ИЭА РАН.

Данто, А. (2002). *Аналитическая философия истории* (Л. Б. Макеева, Ред.). Идея-Пресс.

Дементьев, И. О. (2014). «Что я могу знать?»: Формирование дискурсов о прошлом Калининградской области в советский период (конец 1940-х—1980-е годы). В *Люди и тексты. Исторический альманах. Выпуск 7* (сс. 175–218). Институт всеобщей истории РАН.

Дементьев, И. О. (2020). Советские гражданские памятники в культурном ландшафте Калининграда. *Наследие веков*, 3, 40–61.

Дементьев, И. О. (2023). Политика памяти в Калининградской области. В А. И. Миллер, О. Ю. Малинова, & Д. В. Ефременко (Ред.), *Политика памяти в России – региональное измерение* (сс. 137–175). ИНИОН РАН.

Зенкин, С. Н. (2003). Критика нарративного разума. *НЛО*, 59(1). https://magazines.gorky.media/nlo/2003/1/kritika-narrativnogo-razuma.html

Костяшов, Ю. В. (2005). «Обратничество» в процессе заселения Калининградской области в послевоенные годы. В В. И. Гальцев (Ред.), *Балтийский регион в истории России и Европы* (сс. 211–219). Издательство РГУ им. И. Канта.

Костяшов, Ю. В. (2016). Кенигсбергский кафедральный собор и могила Иммануила Канта в советском Калининграде. *Кантовский сборник*, 35(4), 79–102. https://doi.org/10.5922/0207-6918-2016-4-7

Костяшов, Ю. В. (2017). Восприятие и мемориализация культурного прошлого Кенигсберга в современном Калининграде. *Модернизация культуры. От человека традиции к креативному субъекту. Материалы V Международной научно-практической конференции*, 237–241.

Костяшов, Ю. В. (Ред.). (2018). *Восточная Пруссия глазами советских переселенцев*. Калининградская книга.

Костяшов, Ю. В. (2020). Советские воинские монументы в Калининграде и эволюция исторической памяти (середина XX – начало XXI в.). *Наследие веков*, 3, 62–72.

Костяшов, Ю. В., & Сергеев, В. В. (2018). Региональная политика памяти в Вармии и Мазурах (Польша). *Балтийский регион*, 10(4), 118–131. https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-4-8

Летняков, Д. Э. (2022). Режимы исторической памяти. От гегемонизма к агонизму. *Политика и общество*, 1, 45–53. https://doi.org/10.7256/2454-0684.2022.1.37499

Лотман, Ю. М. (1984). Символика Петербурга и проблемы семиотики города. В *Семиотика города и городской культуры. Петербург* (сс. 30–45). б. и.

Лотман, Ю. М. (1992). Семиотика пространства. В *Избранные статьи* (Т. 1, сс. 386–447). Александра.

Лотман, Ю. М. (2000). *Семиосфера*. Искусство – СПБ.

Малинова, О. Ю. (2018). Политика памяти как область символической политики. В А. И. Миллер & Д. В. Ефременко (Ред.), *Методологические вопросы изучения политики памяти* (сс. 27-54). Нестор-История.

Малинова, О. Ю., & Миллер, А. И. (2021). Введение. Символическая политика и политика памяти. В В. В. Лапин & А. И. Миллер (Ред.), *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: Сборник статей* (сс. 7–37). Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Манкевич, Д. В., & Мегем, М. Е. (2023). Иностранное наследие в мемориальном ландшафте Калининградской области. *Балтийский регион*, 15(2), 139–155. https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-2-8

Маслов, В. Н. (2014). Переименование районных центров Калининградской области в 1946 г. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*, 12, 58–69.

Миллер, А. И. (2020). Введение. Большие перемены. Что нового в политике памяти и в ее изучении? В А. И. Миллер & Д. В. Ефременко (Ред.), *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы: Акторы, институты, нарративы* (сс. 8–24). Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Одесский, М. П., & Фельдман, Д. М. (2008). Идеологема «патриот» в русской, советской и постсоветской культуре. *Общественные науки и современность*, 1, 109–123.

Пахалюк, К. (2011). Захоронения и памятники Первой мировой войны на территории Калининградской области. *Военная археология*, 6, 52–59.

Рикер, П. (1998). *Время и рассказ: Т. 1: Интрига и исторический рассказ*. Университетская книга.

Родионова, И. В. (2009). Становление концепции советского патриотизма. *Власть*, 4, 152–156.

Сафроновас, В. (2014). Восточная Пруссия – недоделенное наследство? *Ab Imperio*, 1, 205–243. https://doi.org/10.1353/imp.2014.0024

Степанов, Ю. С. (Ред.). (2001). *Семиотика. Антология*. Деловая книга.

Топоров, В. Н. (1983). Пространство и текст. В *Текст: Семантика и структура* (сс. 227–284). Наука.

Топоров, В. Н. (1984). Петербург и петербургский текст русской литературы. В *Семиотика города и городской культуры. Петербург* (сс. 4–29). б. и.

Тюпа, В. И. (2011). Нарратив и другие регистры говорения. *Narratorium*, 1–2. http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2027584

Шмид, В. (2003). *Нарратология*. Языки славянской культуры.

Эко, У. (2006). *Отсутствующая структура. Введение в семиологию*. Symposium.

Эппле, Н. (2022). *Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах*. Новое литературное обозрение.

References

Angermuller, J. (2015). Discourse studies. In J. D. Wright (Ed.), *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences* (2nd ed.). Elsevier. https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.03216-5

Arhipova, A., & Kirzjuk, A. (2020). *Opasnye sovetskie veshhi. Gorodskie legendy i strahi v SSSR*. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Assman, A. (2014). *Dlinnaja ten' proshlogo: Memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika*. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Assman, A. (2017). *Raspalas' svjaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna*. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Barthes, R. (1970). Semiologie et urbanisme [Semiology and Urban Planning]. *L'Architecture d'aujourd'hui*, 153, 11-13. (In French).

Barthes, R. (1975). Osnovy semiologii. In E. Ja. Bassin & M. Ja. Poljakov (Ed.), *Strukturalizm: «za» i «protiv». Sbornik statej* (pp. 114–164). Progress. (In Russian).

Barthes, R. (2001). S/Z (G. K. Kosikov, Ed.). Jeditorial URSS. (In Russian).

Barthes, R. (2007). *Nouvelles mythologies [New Mythologies]*. Le Seuil. (In French).

Bellentani, F. (2021). *The Meanings of the Build Environment. Semiotic and Geographical Approach to Monuments in the Post-Soviet Era*. De Gruyter Mouton. https://doi.org/10.1515/9783110617276

Bernhard, M., & Kubik, J. (2014). A Theory of the Politics of Memory. In M. Bernhard & J. Kubik (Eds.), *Twenty Years After Communism: The politics of memory and commemoration* (pp. 7–34). Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199375134.003.0002

Bevernage, B. (2018). Narrating Pasts for Peace? A Critical Analysis of Some Recent Initiatives of Historical Reconciliation through 'Historical Dialogue' and 'Shared History.' In St. Helgesson &

J. Svenungsson (Eds.), *Ethos of History. Time and Responsibility* (pp. 71–93). Berghahn Books. https://doi.org/10.2307/j.ctvw04kkp.8

Danto, A. (2002). *Analiticheskaja filosofija istorii* (L. B. Makeeva, Ed.). Ideja-Press. (In Russian).

Dementev, I. O. (2014). "What Can I Know?": Formation of Discourses About the Past of the Kaliningrad Region in the Soviet Time: the Late 1940s - 1980s. In *Ljudi i teksty. Istoricheskij al'manah. Vypusk* 7 (pp. 175–218). Institut vseobshhej istorii RAN. (In Russian).

Dementev, I. O. (2020). Soviet-Era Civic Monuments in the Cultural Landscape of Kaliningrad. *Heritage of Centuries*, 3, 40–61. (In Russian).

Dementev, I. O. (2023). Politika pamjati v Kaliningradskoj oblasti. In A. I. Miller, O. Ju. Malinova, & D. V. Efremenko (Ed.), *Politika pamjati v Rossii – regional'noe izmerenie* (pp. 137–175). INION RAN. (In Russian).

Eco, U. (2006). *Otsutstvujushhaja struktura. Vvedenie v semiologiju*. Symposium. (In Russian).

Epple, N. (2022). *Neudobnoe proshloe. Pamjat' o gosudarstvennyh prestuplenijah v Rossii i drugih stranah*. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Foucault, M. (1972). *The Archaeology of Knowledge & the Discourse on Language*. Pantheon.

Gavrilina, L. M. (2011). The Kaliningrad Text in the Semiotic Space of Culture. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*, 6, 75–83. (In Russian).

Gavrilina, L. M. (2013). «Kaliningradskij tekst» kak reprezentacija regional'noj identichnosti. *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij*, 5, 88–99. (In Russian).

Grigor'eva, R. A., & Martynova, M. Ju. (2017). *Molodezh' v gorodah Kaliningradskoj oblasti.* IJeA RAN. (In Russian).

Jurginis, J. (1969). Amžinoji ugnis ant lietuvninkų kapo [Eternal Fire on the Tomb of the Lithuanians]. In J. Jurginis (Ed.), *Istorija ir poezija [History & Poetry]* (pp. 301–312). Vaga. (In Lithuanian).

Kostyashov, Yu. V. (2005). «Obratnichestvo» v processe zaselenija Kaliningradskoj oblasti v poslevoennye gody. In V. I. Gal'cev (Ed.), *Baltijskij region v istorii Rossii i Evropy* (pp. 211–219). Izdatel'stvo RGU im. I. Kanta. (In Russian).

Kostyashov, Yu. V. (2016). Kenigsbergskij kafedral'nyj sobor i mogila Immanuila Kanta v sovetskom Kaliningrade. *Kantovskij Sbornik*, 35(4), 79–102. https://doi.org/10.5922/0207-6918-2016-4-7 (In Russian).

Kostyashov, Yu. V. (2017). Perception and Memorialization of Königsberg's Cultural Past in Contemporary Kaliningrad. *Modernizacija kul'tury. Ot cheloveka tradicii k kreativnomu sub'ektu. Materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*, 237–241. (In Russian).

Kostyashov, Yu. V. (2020). Soviet War Memorials in Kaliningrad and the Evolution of Historical Memory (mid-20th - early 21th Centuries). *Heritage of Centuries*, 3, 62–72. (In Russian).

Kostyashov, Yu. V. (Ed.). (2018). *Vostochnaja Prussija glazami sovetskih pereselencev*. Kaliningradskaja kniga. (In Russian).

Kostyashov, Yu. V., & Sergeev, V. V. (2018). Regional politics of memory in Poland's Warmia and Masuria. *Baltic Region*, 10(4), 118–131. https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-4-8 (In Russian).

Laclau, E. (2014). *The Rhetorical Foundations of Society*. Verso.

Laclau, E., & Mouffe, Ch. (1985). *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. Verso.

Letnyakov, D. E. (2022). Modes of historical memory: from Hegemonism to agonism. *Politics and Society*, 1, 45–53. https://doi.org/10.7256/2454-0684.2022.1.37499 (In Russian).

Lotman, Yu. M. (1984). Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda. In *Semiotika goroda i gorodskoj kul'tury. Peterburg* (pp. 30–45). n. p. (In Russian).

Lotman, Yu. M. (1992). Semiotika prostranstva. In *Izbrannye stat'i* (Vol. 1, pp. 386–447). Aleksandra. (In Russian).

Lotman, Yu. M. (2000). *Semiosfera*. Iskusstvo – SPB. (In Russian).

Malinova, O. Ju. (2018). Politika pamjati kak oblast' simvolicheskoj politiki. In A. I. Miller & D. V. Efremenko (Ed.), *Metodologicheskie voprosy izuchenija politiki pamjati* (pp. 27–54). Nestor-Istorija. (In Russian).

Malinova, O. Ju., & Miller, A. I. (2021). Vvedenie. Simvolicheskaja politika i politika pamjati. In V. V. Lapin & A. I. Miller (Eds.), *Simvolicheskie aspekty politiki pamjati v sovremennoj Rossii i Vostochnoj Evrope: Sbornik statej* (pp. 7–37). Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russian).

Mankevich, D. V., & Megem, M. E. (2023). International heritage in the memorial landscape of the Kaliningrad region. *Baltic Region*, 15(2), 139–155. https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-2-8 (In Russian).

Maslov, V. N. (2014). Pereimenovanie rajonnyh centrov Kaliningradskoj oblasti v 1946 g. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*, 12, 58–69. (In Russian).

Miller, A. I. (2020). Vvedenie. Bol'shie peremeny. Chto novogo v politike pamjati i v ee izuchenii? In A. I. Miller & D. V. Efremenko (Eds.), *Politika pamjati v sovremennoj Rossii i stranah Vostochnoj Evropy: Aktory, instituty, narrativy* (pp. 8–24). Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russian).

Odesskii, M. P., & Feldman, D. M. (2008). Ideologema "Patriot" In Russian, Soviet And Post-Soviet Culture. *Social Sciences and Contemporary World*, 1, 109–123. (In Russian).

Pahaljuk, K. (2011). Zahoronenija i pamjatniki Pervoj mirovoj vojny na territorii Kaliningradskoj oblasti. *Voennaja arheologija*, 6, 52–59. (In Russian).

Ricœur, P. (1998). *Vremja i rasskaz: Vol. 1: Intriga i istoricheskij rasskaz*. Universitetskaja kniga. (In Russian).

Rodionova, I. V. (2009). Stanovlenie koncepcii sovetskogo patriotizma. *Vlast'*, 4, 152–156. (In Russian).

Rothe, W., & Wiemer, D. (2016). *Zur Siedlungsgeschichte von Preussisch-Litthauen am Beispiel der Region des Kirchspiels Tollmingkehmen und Umgebung [On the Settlement History of Prussian-Lithuania using the Example of the Region of the Parish of Tollmingkehmen and Surroundings]*. PRUSSIA Gesellschaft. (In Germany).

Safronovas, V. (2014). Vostochnaja Prussija – nedodelennoe nasledstvo? *Ab Imperio*, 1, 205–243. https://doi.org/10.1353/imp.2014.0024 (In Russian).

Shmid, V. (2003). *Narratologija*. Jazyki slavjanskoj kul'tury. (In Russian).

Stepanov, Ju. S. (Ed.). (2001). *Semiotika. Antologija*. Delovaja kniga. (In Russian).

Tjupa, V. (2014). Narrative Strategies. In P. Hühn, J. Ch. Meister, J. Pier, & W. Schmid (Eds.), *Handbook of Narratology* (2nd ed., Vol. 2, pp. 564–574). Walter de Gruyter. https://doi.org/10.1515/9783110316469.564

Tjupa, V. I. (2011). Narrativ i drugie registry govorenija. *Narratorium*, 1–2. http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2027584 (In Russian).

Toporov, V. N. (1983). Prostranstvo i tekst. In *Tekst: Semantika i struktura* (pp. 227–284). Nauka. (In Russian).

Toporov, V. N. (1984). Peterburg i peterburgskij tekst russkoj literatury. In *Semiotika goroda i gorodskoj kul'tury. Peterburg* (pp. 4–29). n. p. (In Russian).

Torfing, J. (2005). Discourse theory: Achievements, arguments, and challenges. In D. Howarth & J. Torfing (Eds.), *Discourse theory in European politics: Identity, policy and governance* (pp. 1–32). Palgrave Macmillan Ltd. https://doi.org/10.1057/9780230523364_1

Zenkin, S. N. (2003). Kritika narrativnogo razuma. *NLO*, 59(1). https://magazines.gorky.media/nlo/2003/1/kritika-narrativnogo-razuma.html (In Russian).

Zenkine, S. (2020). Mythologies, soixante ans apres. *Transilvania*, 4, 7–11. https://doi.org/10.51391/trva.2021.04.02.